

Борис Степанович Житков. "Погибель"

Книга: Б.Житков. "Джарылгач". Рассказы и повести
Издательство "Детская литература", Ленинград, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июня 2002 года

Так все в порту и звали этот пароход; на него я нанялся поденщиком. Так и сказали мне кричать: "На "Погибели!" Давай шлюпку!" Пароход стоял у стенки волнолома. Наконец шлюпка отвалила. Один человек юлил веслом за кормой. Человек оказался рыжий. Весь в ржавчине и в веснушках. Я сказал, что хозяин прислал меня поденщиком.

Рыжий сказал:

- Ну, вались! Юли сам назад.

Он пихнул весло ко мне, а сам сел на банку. Я погнал шлюпку. На полдороге рыжий спросил:

- Ты знаешь, куда поступил?

- Чего мне знать? На поденщину. Ржу обивать.

- На "Погибель" ты поступил. Если там ржу обить, так останется от нас всего, что только нас - четыре поденщика. Ты приставать будешь, так легче - борт пробьешь.

- Заливай! - сказал я.

- Нам, брат, не заливать, а отливать только поспевай. Смеешься? Мы на палубе ночуем, а то как пойдет под заныр - выскочить не успеешь.

Мы подошли к борту. Борт был страшный: рябые ржавые листы местами были покрашены суриком, вмятины обрисовывали ребра, как у голодной клячи. Пока я влезал по штурмтрапу, я уже измазался ржавчиной. Я вошел в кубрик, поздоровался и поставил на стол две бутылки водки. В кубрике было полутемно, и, когда зажгли лампу, я пораился обстановкой: все, все - и деревянные койки, и стол, и скамейка, - все было черно и все было изъедено морским червем. Лампа была зеленого цвета, иллюминаторные рамы, медные крючки и замки на дверях - вся медь была густо-зеленого цвета. На потолке приросла засохшая ракушка.

- Что смотришь? - сказал рыжий. - "Погибель" пять лет на боку под берегом лежала. Здесь утопленники в карты дулись. Вот на этом самом столе.

- А до того на ней без ремонту пятьдесят годов кряду мертвых спать возили.

Это сказал другой, маленького роста, седоватый.

Третий все молчал и сидел в углу.

Стали пить водку. Закусывали луком, грызли его, как яблоко. Больше ничего у поденщиков не нашлось. Я узнал, что рыжего зовут Яшкой, а старика - Афанасием Ивановичем.

- Маша, Маша! - закричал рыжий. Я оглянулся. - Маша, ты сядь к нам, выпей.

Третий, что сидел в углу, поднялся и подошел. Это был человек высокого роста, с большими черными глазами. "Грек - не грек", - подумал я.

- Да ты не удивляйся: у него бабье имя - Мария. У него с пяток имен, и вот Мария тоже. Так мы его - Маша. Он не русский - испанец. Испаноло! - Тут Яшка ткнул испанца в плечо и показал на жестяную кружку: - Вали!

Испанец немного отпил. Яшка со стариком собирались на берег за третьей бутылкой. Я отдал последние медяки. Мы остались с испанцем вдвоем. Он плохо говорил по-русски. Но я кое-как понимал. Он прихлебывал водку, будто вино, из стакана. Сначала конфузился, потом сел картинно, а потом вскакивал на ноги, когда говорил.

Он рассказал мне, что был тореадором. Я первый раз в жизни видел живого тореадора. Он был в синей куртке, в парусиновых портках, весь измазан ржавчиной, но так бойко вскакивал на ноги и в такие позиции становился, что я забыл, в чем он одет. Казалось, все блестит на нем. Я только боялся, чтобы не вернулись Яшка с Афанасием и не сбили бы с ходу тореадора. Он говорил, что уже входил в славу. Был на лучшей дороге. Жил в гостинице. Каждый день с утра - цветы. Полно, полно цветов! Руками показывал, сколько, - некуда поставить. Прислуга крала, торговала этими цветами. Даже в комнате было душно от цветов. У него был выпад - удар шпагой - такой, как ни у кого, - молния!

- Я не становился в позицию, я стоял как будто рассеянно, как будто я сейчас буду ногти чистить. И я следил глазами за быком, я точно знал, что